

все какъ быть слѣдуетъ, тихо, истово. То-есть... одно слово — праведный судья, настоящій!»

Алексѣй Ивановичъ запомнилъ мужицкія рѣчи, и тутъ же рѣшилъ про себя — «въ случаѣ чево» — переждать засѣданіе суда, а затѣмъ прямо «повалится мировому въ ноги»: научи-де и защити насъ, темныхъ людей. «Може, онъ и въ самъ-дѣлъ умилится надо мной», соображалъ Щастневъ: «бываетъ»...

Путь до Бѣлыхъ Глинъ былъ не дальній: всего девять верстъ; а потому передъ нашими крестьянами скоро открылся и громадный дѣдовскій садъ «мирового», и его «хоромы» — гордый каменный домъ, очень красиво построенный на холмѣ надъ обширными прудами.

— Куда-жь тутъ идти? — спросилъ Алексѣй Ивановичъ у своихъ бывалыхъ товарищей. — Нѣшто прямо къ хоромамъ?

— Зачѣмъ? Камора-то вонъ она гдѣ.

И товарищи указали ему на новую небольшую постройку, поставленную нѣсколько въ сторонѣ отъ остальной усадьбы.

— Тута онъ и судить. А если окромя суда къ ему есть дѣло — въ другое, значить, время: прошеніе ли подать, али такъ, спросить что-нибудь — тогда, малый, прямо иди къ ему въ хоромы: ничево, допускаеть! Даже вошь какъ: коли ежели онъ дома случится — и ждать не нужно: сею минутою самъ къ тебѣ выйдетъ...

Мировой судья 2-го участка, Александръ Васильевичъ Щематевъ, принадлежалъ къ тому типу сельскихъ судей, который, къ сожалѣнію, лишь очень рѣдко, а въ послѣднее время и все рѣже, встрѣчается въ нашихъ провинціальныхъ захолустьяхъ. Магистръ московскаго университета и человѣкъ совершенно независимый по средствамъ, даже относительно богатый (онъ не умѣлъ проживать свои двадцать — двадцать-пять тысячъ дохода), Александръ Васильевичъ моложе тридцати лѣтъ отъ роду безвыѣздно поселился въ своемъ наслѣдственномъ помѣстьѣ и горячо отдался всѣмъ интересамъ сельской жизни, начиная отъ полевого хозяйства и кончая земской службой. Что побудило его отказаться и отъ настѣжь раскрытой передъ нимъ служебной карьеры (онъ имѣлъ хорошія связи), и отъ пріятной жизни богатаго человѣка въ большомъ городѣ, и, наконецъ, отъ близкаго общенія съ «умственными центрами»? Первые два вопроса очень удивляли и интриговали его деревенскихъ сосѣдей, послѣдній — его бывшихъ товарищей по университету.

Ни карманъ, ни честолюбіе не влекли его къ земской службѣ. Но въ такомъ случаѣ, что-же, кромѣ искренней преданности къ